

Мелихов Герман Владимирович

ПЛОТИН: ПУТЬ К ЕДИНОМУ

В статье дается проблемная реконструкция платиновского понимания пути философствующего к Единому в свете понятия "эксцентрация". Утверждается, что восприятие Единого ("центрация" на нем) возможно при условии экс(центрации) - допущении "иного плана" в своем теле, своем чувствовании, своем мышлении, в самой реальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 154-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Еропкина О. И.** Русская школа в Маньчжурии первой трети XX в.: тенденции развития и проблемы: дисс. .... канд. пед. наук. М., 2002. 170 с.
2. **Мелихов Г. В.** Международная роль культуры «восточной ветви» русского зарубежья (к постановке проблемы) // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: материалы научной конференции. М.: Издательство Института российской истории, 1993. 102 с.
3. **Стародубцев Г. С.** Русское юридическое образование в Харбине (1919-1937) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 140-151.
4. **Стародубцев Г. С.** Юридический факультет в Харбине (к 80-летию со дня основания) // Юридическое образование и наука. 2000. № 2. С. 34-40.

RUSSIAN LEGAL DEPARTMENT IN HARBIN ESTABLISHMENT AND ACTIVITY HISTORY (1922-1929)

Viktoriya Anatol'evna Marchenko
Department of State and Law Theory and History
Tyumen' State University
victoriarmarchenko@yandex.ru

The author presents the historical overview of the personnel training organization in one of the leading centres of the Russian legal education abroad that emerged after 1917 – Harbin Law Department (1922-1929), emphasizes that modern legal education needs closer examination of the historical experience gained from the development of the Russian law school abroad with the participation of the Russian lawyers who left Russia after the events of October 1917 in its establishing and mentions that the results of this positive experience detailed research can be applied to the education of modern legal personnel.

Key words and phrases: history of legal education; Russian academic lawyers in emigration; legal education in eastern Manchuria; Harbin Faculty of Law; Russian legal education centres in Harbin and Prague.

УДК 1(091)+11

В статье дается проблемная реконструкция платиновского понимания пути философствующего к Единому в свете понятия «эксцентрация». Утверждается, что восприятие Единого («центрация» на нем) возможно при условии экс(центрации) — допущении «иного плана» в своем теле, своем чувствовании, своем мышлении, в самой реальности.

Ключевые слова и фразы: Плотин; Единое; жизнь философа; путь; эксцентрация; познание соприкосновением.

Герман Владимирович Мелихов, к. филос. н., доцент
Кафедра общей философии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
german.melikhov@ksu.ru

ПЛОТИН: ПУТЬ К ЕДИНОМУ©

Плотин — большой почитатель Платона, Аристотеля и философии стоиков — продолжает традицию Парменида: он ищет *последнее*, самое важное. Парменид говорил о *том*, что единственно *есть* как о бытии — подлинной реальности и истинном смысле всего. Плотин считает: *то*, что единственно *есть* выше бытия. Как и Парменид, он убежден в том, что философ несет истину в себе, обнаруживая ее в глубинах своей души. Но эти глубины неизреченны. *Последнее*, неделимое, проявляет себя не только как *ясность*, но прежде всего как неизъяснимые красота и любовь. Плотин — философ-мистик. Его опыт говорит о том, что *самое важное* не выразимо средствами ни теологии, ни онтологии (философии). Первосущее сверхбытийно и сверхразумно¹. Приближаясь к Нему, философ оставляет позади себя все, включая и саму философию. Это принципиальное допущение философии Плотина затрудняет исследование его творчества: как возможно

© Мелихов Г. В., 2011

¹ «Когда мы говорим, что Первоединый выше даже сущего, то это означает, что его нельзя представить себе как что-либо определенное, нельзя ничего утверждать о нем, нельзя даже приписать ему какое-либо имя, а можно лишь говорить о нем апофатически, указывая, что он не есть ни то, ни это — ведь нельзя его объять никаким определением, и нелепа была бы всякая попытка представить себе его непознаваемое, бесконечное существо, а настаивать на этой попытке значило бы не приближаться к этому существу, а отдаляться от него, теряя из виду и те ведущие к нему следы, какие имеются. Тот, кто желает созерцать какую-либо из умопостигаемых сущностей, тот должен удалить из своего сознания все чувственные образы, и только тогда может он увидеть то, что стоит выше всего чувственного. Точно так же и тому, кто хотел бы узреть того, кто стоит выше ноуменов, необходимо отрешиться от них, и только тогда он узрит Его, т.е., сознает, что он есть, хотя не будет в состоянии познать и выразить, каков он есть... В своих сомнениях, похожих на родовые боли, не умея надлежащим образом выразить это Первоначало, мы все-таки говорим о нем, неизреченном, и даем ему то или другое имя, чтобы обозначить его, как можем» [3, V. 5, с. 175].

рассуждать о философии, в центре которой находится лишенное атрибутов сверхсущее, полагаясь на мышление, оперирующее исключительно формами?

Л. Шестов видит выход из этого затруднения в формировании у читателя текстов Плотина особой установки: не следует искать в его философии единства мысли и доказательности. «Нужно сказать себе, что все «доказательства», приводимые им в его писаниях, только неизбежная дань школьной традиции. Плотин был «профессором», Плотин был «писателем» и, стало быть, этим самым обязывался говорить только то, что может быть и должно быть признано всеми, кто у него учится, т.е. слушает его или читает его книги» [6, с. 333]. Разговаривать с аудиторией, приводить доказательства, выстраивать *свою* систему философии, покорять и принуждать силой своей мысли — все это необходимая плата мыслителя своему социальному окружению за возможность *быть* философом, то есть хотя бы иногда думать о том, что тебе действительно близко, изрекать непонятные для слушателей вещи, противоречить самому себе, не принимая в расчет сказанного ранее... Дело в том, что бесформенное «для тех, кто его вообще принимает всерьез, может быть выражено только в том случае, если слова, в которые его облачают, так же изменчивы, многосмысленны и мимолетны, как и оно само» [Там же, с. 334]. Вполне вероятно, что Плотин не имел никакой «системы», что мы приписали ее философу в надежде лучше его понять, разложив все его взгляды «по полочкам» для удобного их использования «в школе» — цитирования, сравнения, выявления влияний, ключевых идей, понятий и т.д. Все, о чем пишет Л. Шестов, похоже на правду: крайне желательно, чтобы философ иногда освобождался от своего учения, которое в какой-то момент становится ему в тягость. Оно тянет его назад, к тому, что обрело форму и застыло, а не оставляет его наедине с вечно живым, с тем, что нельзя уложить ни в какие определения и формулы. Философское учение не должно побеждать философствование. Кроме прочего, установку Л. Шестова на чтение писаний Плотина можно использовать как *остраивающий* (в смысле термина, введенного В. Шкловским) прием: возможность раскрыть смыслы произведений, ушедшие «в тень». Все это, повторяем, верно, но Л. Шестов не дает ответа на вопрос: чем же тогда была «записанная» философия Плотина? Неужели она служила одной цели покорения, принуждения и вербовки преданных сторонников? Неужели всякая воплощенная в тексте «хорошая философия» в какой-то момент неизбежно превращается в заурядную идеологию и привлекательное для многих мировоззрение?!

Первый ответ на этот вопрос мы уже дали выше: Плотин, как и любой другой экс(центрично) мыслящий философ, говорит и пишет, потому что ему необходимо удерживать *себя* в отношении к *тому, что есть*. Он осуществляет работу осознания. Прямо сейчас, в момент говорения или в момент создания текста, он стремится «умереть» — покинуть свое эго и оторвать сознание от его сосредоточенности на объектах. Философ говорит и пишет вовсе не для того, чтобы прослыть создателем оригинальных концептов, творцом глубокомысленных идей, образцом учености и хорошего вкуса. Он пишет и говорит для того, чтобы целиком *реализовать* себя как Единое. А Единое есть, когда нет Я. Именно поэтому Плотин не испытывал нужды перечитывать свои произведения, не думая об их правке (а не только потому, что имел слабое зрение)¹. В конце концов, у него были ученики, попроси он их, они сделали бы все необходимое в его присутствии. Но Плотин мало интересовало тело, его собственное или тело его мыслей.

Есть еще одно обстоятельство, вынуждающее философа «браться за перо». На него мало обращают внимания, потому что обстоятельство это для многих выглядит неубедительным, но мы пройти мимо него никак не можем. Все, кто читал тексты Плотина, наверняка обратили внимание на одну их особенность: они непонятны в каком-то фундаментальном смысле. Читатель может прекрасно владеть древнегреческим языком и быть блестящим знатоком античной философии, с легкостью способным устанавливать едва уловимые связи и влияния, но при этом оставаться в недоумении относительно того, что Плотин сам считал для себя главным. Тексты Плотина — вдохновенный гимн *тому, что единственно есть*². Плотин рассказывает о том, что он пережил, снова и снова возвращаясь к одному и тому же — Единому³. Зачем он это рассказывает? Потому что

¹ Согласно свидетельству Порфирия, Плотин не перечитывал свои тексты по причине слабого зрения. «Дело в том, что, написав что-нибудь, он никогда дважды не перечитывал написанное; даже один раз перечесть или проглядеть это было ему трудно, так как слабое зрение не позволяло ему читать. Писал он, не заботясь о красоте букв, не разделяя должным образом слогов, не стараясь о правописании, целиком занятый только смыслом; в этом, к общему нашему восхищению, он оставался верен себе до самой смерти. Продумав про себя свое рассуждение от начала и до конца, он тотчас записывал продуманное и так излагал все, что сложилось у него в уме, словно списывал готовое из книги. Даже во время беседы, ведя разговор, он не отрывался от своих рассуждений: произнося все, что нужно было для разговора, он в то же время неослабно вперял мысль в предмет своего рассмотрения. А когда собеседник отходил от него, он не перечитывал написанного, ибо, как сказано, был слишком слаб глазами, а принимался прямо продолжать с того же места, словно и не отрывался ни на миг ни для какого разговора. Так умел он беседовать одновременно и сам с собою, и с другими, и беседы с самим собою не прекращал он никогда, разве что во сне...» [4, с. 430].

² «Итак, если Первое начало суть единственное и единственным образом определенное, то это единственное единственно через самое себя...» [3, VI, 8, с. 333].

³ «Теперь же попытаемся, по мере сил, уяснить, что есть то начало, которое едино абсолютно и по существу, а не по участию в другом. Итак, устремим свою мысль к Единому и сосредоточим ее на нем всецело, не прибавляя к нему ничего постороннего и от него не отдаваясь ни к чему другому, чтобы не впасть в двойство; без этого же условия у нас тотчас окажется двоица, в которой каждая единица вовсе не есть то же, что сам Единый, но обе они равно позднее его по своему бытию. Этот Единый не может входить в состав исчисляемых вещей, будут ли это отвлеченные единицы или что-либо другое; да он и вообще не подлежит исчислению, потому что он-то и есть мера для всего, между тем как для него нет и не может быть никакой другой меры; он не может быть вводим в счет каких бы то ни было вещей, потому что он равен ни одной из них, допустить же противное значило бы признать, что он имеет нечто общее с теми вещами, вместе с которыми исчисляется, и, вследствие этого, стоит ниже этого общего, а между тем нет ничего такого, что стояло бы выше или прежде него» [3, V, 5, с. 172-173].

не может не делать этого. Так — не перечитывая свои тексты, то есть не думая о том, *как* он это делает, — может писать человек, которым движет необходимость: как будто им руководит некая «сила», понуждающая его к письму. Он говорит, когда есть аудитория, и пишет, когда слушателей нет. Для него нет никакой разницы, говорить или писать — все едино. Когда «действие» понуждения ослабевает, он не пишет, и в этом также нет ничего плохого — Единый никуда не уходит, он всегда остается на одном и том же «месте». Тексты Плотина по-своему притягательны, есть в них что-то особенное — энергия и сила убежденности, чувствуется присутствие подлинного Переживания, но самое главное в этих текстах трудноуловимо — непонятно: как это достичь единства с *тем, что есть*? Зачем это? При чем здесь философия? Но вот что интересно: Плотина начинаешь лучше понимать, если позволяешь себе поддаться его обаянию, отбросив на время все свои вопросы. Стоит ему довериться, предоставив себя свободному течению смысла, как что-то начинает происходить: ты вдруг обнаруживаешь, что и тебе все, о чем столь вдохновенно говорит Плотин, не чуждо... Ты твердо знаешь, что никакая это не сила убеждения (не все можно принять в доказательствах и аргументации Плотина), и никто тебя никуда не тащит. Просто ты начинаешь что-то *осязать*, как будто ты нечто вспомнил и вернулся туда, где был всегда. Уж не ради ли этого пишет Плотин: дать *почувствовать* читателю то состояние гармонии и единения с миром, в котором он некогда (четыре раза, по словам Порфирия¹) находился, и в отраженном свете которого он пребывает в момент написания своего текста. Плотин пишет, потому что не писать не может. Осознав себя в единении с Целым, философ взваливает на себя бремя ответственности за весь мир, он как будто движим «силой», которая не успокоится до тех пор, пока все люди не осознают свое единство с миром и не излечатся от эгоизма... Конечно, Плотин проповедует², но это проповедь философа, который понимает, что он почти ничего не может сделать. Ему не нужны сторонники, бездумно повторяющие ничего незначащие слова из его писаний. Что такое истинные красота и любовь можно узнать лишь на своем опыте. Плотин описывает *свое* состояние эксцентрации, рассчитывая на то, что найдутся люди, которые поймут его, и это понимание индуцирует у них собственное состояние эксцентрации.

В чем особенности эксцентрации в плотинском ее понимании?

Напомним: *эксцентрацией* мы называем полную и безоговорочную капитуляцию субъекта-генерала перед лицом Единого, открывающую «взгляд» с точки зрения Целого³. Условием низложения самовластного Генерала является также отказ от ориентации на объекты. «В самом деле, — пишет Плотин, — душа должна отрешиться... решительно от всего, чтобы очутиться, так сказать, наедине с ним (*Богом — Г. М.*)... В этом состоянии душа не чувствует даже того, есть ли у нее тело и в нем ли она находится, и не думает о том, что она такое, человек ли, существо ли, или что-нибудь другое, как потому, что нет на это у нее ни времени, ни желания, так и потому, что это значило бы отвлечь свое внимание на низшее. Очутившись после долгих исканий в присутствии Бога, она только его и видит..., потому что уже нет и не может быть Блага еще большего и высшего, чем то, которого она достигла...» [3, VI.7, с. 309-310]. Пребывая в эксцентрированном состоянии, лишившись сознания собственного Я, мы обладаем возможностью «вспомнить» себя, но не имеем такого желания. Эксцентрированное восприятие основано на своеобразном осознании, которое можно было бы назвать «нецентрированным центризмом»: сочетании одновременно двух точек зрения: «нет ничего, кроме Одного» и «нет ничего, кроме Двух (именуемых «здесь» и «там», «дух» и «материя» и т.д.)». «Центрация» на Одном возможна при условии эксцентрации, фрагментации, допущения «киного плана» в своем теле, своем чувствовании, своем мышлении, в самой реальности (в том, что мы называем таковой). Важно помнить при этом условность выражений «центрация на Одном», «существует только Единый». Поэтому ранее утверждалось, что суть экс(центрации) состоит в невозможности обнаружить какой-либо центр: *здесь* (в мире объектов) не может быть Первого и Основополагающего; *там* его нет, потому что Единый лишен каких-либо атрибутов, мы не можем охарактеризовать Одно-без-чего-бы-то-ни-было с помощью дуалистических категорий *центр/периферия*. Итак, для Плотина существует *одна* реальность (Единый), названная нами *Таковостью* всего (*тем, что есть*), все остальное лишено атрибута подлинности. Бытие Таковостью и есть эксцентрация, что означает: во-первых, Единый — не атрибут человеческого Я; во-вторых, Единый не является объектом, Его невозможно поставить в центр, «вперив» в Него взгляд, с Ним ничего нельзя сделать, о Нем ничего нельзя сказать, Он непознаваем.

Мы решительно утверждаем: эксцентрация — не инструмент достижения философом своих, пусть даже самых благородных целей, она — то, что *случается*, захватывая человека. Эксцентрация — «состояние», в котором оказываются разные виды сущего. Она постоянно происходила и будет происходить. Кто-то называет этот процесс «эволюцией», не в этом суть. Важно другое: только сущее «человек» *осознает* свое «падение»

¹ «...Ибо сближение и воссоединение с всеобщим богом есть для нас предельная цель: за время нашей с ним близости он четырежды достигал этой цели, не внешней пользуясь силой, а внутренней и неизреченной» [4, с. 438].

² Французский переводчик и исследователь творчества Плотина П. Адо пишет: «Философия (*Энеид — Г. М.*) превращается в толкование и проповедь. В качестве толкования она сведется к комментированию текстов Платона и Аристотеля... Проповедуя же, философия будет призывать к добродетельной жизни...» [1, с. 10]. А теперь дадим слово самому Плотину: «Если же ты не увидишь красоты в самом себе, поступай подобно скульптору, творящему прекрасную статую: одно он отсекает, другое полирует; одно сглаживает, другое подчищает — пока не добьется своего. Так и ты — удали лишнее! Выпрями то, что криво, очистив темное, сделай его сияющим; и не прекращай обрабатывать свою статую, пока не заблестит перед тобой богоподобная сияющая красота добродетели, пока не узришь мудрость, восседающую в священном чистом величии» [3, I. 6, с. 24].

³ «Другими словами, коль скоро он отрешается от своего особого «я»..., он тем самым сливается и становится единое с Богом...» [3, V. 8, с. 206].

в мир материи (объектов) и жаждет «исцеляющего» воссоединения¹. Именно об этом постоянно говорит Плотин: Единый взывает к человеку, и человек способен откликнуться на зов Единого, осознавая необходимость субстанционального единения. Эксцентрация «двунаправлена»: как бытие Таковостью она обращена «вниз» ко всякому существу и человеку, в частности; как ответ на зов, она «захватывает» человека и устремляет его «вверх» к Единому². Человек отвечает на зов, потому что не является Другим по отношению к тому, что единственно *есть*³. То, что Э. Целлер называет «системой Плотина» [5, с. 241], скорее всего, есть усиленная попытка Плотина описать то, что происходит с человеком, «захваченным» эксцентрацией, его путь к Единому⁴. Но мы не найдем у Плотина *метода* эксцентрации. «Путь» в данном случае — не метод как совокупность рационально выверенных процедур, гарантированно ведущих философствующих к их цели. Плотин понимает, что Единое проявляет себя *единичным* образом, никаких общезначимых правил быть здесь не может. Ни Плотин, ни Порфирий, скорее всего, не планировали день и час совершения своих философских экстазов. Нет метода, но есть два предельно общих *ориентира*, которые раскрывают человека: добродетельная жизнь и самопознание. Эксцентрация может случиться с человеком, который «жил как все»: никогда не имел отношения к философствованию, не занимался никакими «практиками» и не прослыл «особенно духовным». Но если кто-то ощущает в себе беспокойство, заставляющее его «приходить в движение» и заниматься поиском «неизвестно чего», ему приходится со всем этим что-то делать... *Жизнь философа*, откликнувшегося на зов Единого, работающего над своей душой «как скульптор, творящий прекрасную статую», принявшего самопознание (и, соответственно, осознание) как важнейшую форму своей жизни и сросшегося с ним, — эта жизнь философа и есть *путь*, которым идет он навстречу Единому, не испытывая иллюзий относительно собственных возможностей, — *сам* он мало что может сделать. «Путь философа» — ряд «мгновений захвата» жизни философствующего эксцентрацией. «Путь философа» очерчивает траекторию эксцентрированного восприятия в жизни философствующего, освобождающую его от власти объектов и бремени эго. Философ вряд ли будет рассказывать свою личную историю, она его мало интересует; или он это будет делать крайне скудно. Как известно, ничего так не смущало Плотина, как его собственное тело вместе со всей его историей. Но если философ пишет, он оставляет после себя тексты-перформации, позволяющие нам реконструировать имевшие место быть эксцентрирующие формы жизни/мысли и что-то делающие с теми, кто проводит эту реконструкцию.

Другая важная особенность плотиновского понимания эксцентрации состоит в том, что она (в той ее «части», что мы назвали «движением вверх») не является созерцанием. «...Познание Первоединого, — настаивает философ, — не достигается ни путем научного исследования, ни путем размышления, но получается единственно от его нам присущия, которое выше всякой науки... Поэтому, дабы достигнуть мыслью Первоединого, душе следует стать выше самой науки..., отрешиться и от своих знаний, и от предметов знаний, и от всего прочего, — даже от созерцания красоты, ибо даже красота поздней Его и от Него, как дневной свет — от солнца» [3, VI.9, с. 357]. Что есть эксцентрация, если она не является созерцанием?

Ответ на этот вопрос мы находим в той же VI Эннеаде: «Он (*Единый* — Г. М.) присущ всему, не будучи присущ чему-либо, — поэтому Он всегда непосредственно близок для всех тех, кто подготовил себя к приятию Его, кто способен привести себя в согласие с Ним и, благодаря этому согласию или сродству, входит как бы в соприкосновение с Ним той сродной с Ним силой, которая из него же истекает» [Там же, с. 358]. Эксцентрация не есть познание размышлением или созерцанием, она — познание тождеством через *соприкосновение* [2, с. 719]. *Ясность* сопутствует этому виду знания лишь задним числом. Будучи в отрешенном состоянии, философствующий «не заметит с отчетливостью даже того, что наступило для него лицемерие Бога и общение с ним, и лишь, вдоволь насладившись этим общением, по прекращению его, может поведать о нем другим...» [3, VI.9, с. 363]. Эксцентрация — то, что происходит, она *случается*, когда философ отрешается от всех знаний и предметов знаний, от всего, не исключая саму философию. Эксцентрация случается не на парменидовском «пути истины», но на «пути философии, ставшей жизнью», пути, на котором философия преодолевается жизнью. *Ясность* становится характеристикой не ума, но жизни, преображенной эксцентрацией.

Список литературы

1. Адо П. Плотин, или Простота взгляда. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 142 с.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980.
3. Плотин. Эннеады. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1995. 395 с.
4. Порфирий. Жизнь Плотина // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 416-426.
5. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб.: Алетейя, 1996. 295 с.
6. Шестов Л. На весах Иова (странствия по душам) // Шестов Л. Сочинения: в 2-х т. М.: Наука, 1993. Т. 2. 560 с.

¹ «Таким образом, для человека возможно двоякое самопознание: или он познает и сознает себя только как дискурсивный разум, составляющий главную силу души, или он, восходя от духа, познает и сознает себя совсем иначе, а именно, соединяясь с духом и мысля себя в его свете, сознает себя уже не как человека, а как иное, высшее существо; человек в этом случае как бы восхищается и воспаряет в высшую сверхчувственную область той лучшей своей частью, которая способна, словно на крыльях, взлететь в область чистого духа и сохранять в себе то, что там видит» [3, V. 3, с. 143].

² Слова «вниз» и «вверх» указывают в данном случае не на пространственное расположение, они скорее являются маркерами ценностного состояния.

³ «...Бог не отдален ни от кого и ни от чего, и, в то же время, не присущ никому и ничему...» [3, VI. 9, с. 358].

⁴ Совершенно справедливо замечание Л. Шестова о том, что основной частью философии древности и нового времени является этика (то есть дисциплина практическая), которое он иллюстрирует философией Плотина [6, с. 348].

PLOTIN: THE WAY TO THE ONE

German Vladimirovich Melikhov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of General Philosophy
Kazan' (Volga Region) Federal University
german.melikhov@ksu.ru

The author presents the problematic reconstruction of Plotin's comprehension of a philosopher's way to the One in the light of the notion "ex-centration", confirms that the perception of the One (the "centration" on it) is possible providing the ex(centration) – the allowance of "another plan" in one's body, one's feelings, one's thinking and in reality itself.

Key words and phrases: Plotin; the One; philosopher's life; way; ex-centration; cognition by contact.

УДК 303.425.6

В статье раскрывается тесная связь и взаимодополнительность таких категорий как «общественность» и «аудитория». Приводится справка об общих тенденциях исследований общественного мнения, в основном эмпирического характера, которые связаны с изучением определенных аудиторий и/или инициированных средствами массовой информации.

Ключевые слова и фразы: общественность; общественное мнение; аудитория; социология массовых коммуникаций.

Лариса Александровна Мироненко, к. филос. н.
Кафедра философии, социологии и связей с общественностью
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
l.mironenko@list.ru

АУДИТОРИЯ, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ: ТРАДИЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ©

Именно в паблик рилейшнз «общественность» часто понимается как синоним понятия «аудитория». Почему? Как-то прочитала у В. Л. Глазычева: «Кооперироваться могут только свободные лица, граждане, разучивающие правила общей игры не столько в момент голосования по федеральным или общегородским спискам, сколько при осмыслении вопроса об устройстве остановки трамвая, ограждении школьного двора или правил парковки машин» [2]. Очевидно, что общественность – это коллективный субъект, возникающий в процессе и в результате обсуждения, продукт консенсуса. Неслучайно «общественность» и «аудитория» имеют общий эквивалент – «публика». В мировой практике исследователи общественного мнения, изучая объект «общественность», подразумевали именно «аудиторию» определенного рода.

Общественность – большая группа людей, которая обладает теми или иными общими существенными свойствами. Часто это просто номинальная группа, категория населения [1]. Г. Блумер определяет «общественность» как группу людей, которые сталкиваются с какой-то проблемой, разделяются во мнениях относительно подхода к решению этой проблемы и вступают в дискуссию по данной проблеме. По мнению Д. Дьюи, общественность – это группа людей, которые сталкиваются со схожими проблемами, признают, что проблема существует, и собираются вместе для ее решения [4]. Общественность может быть сгруппирована в зависимости от профессиональных и личных интересов составляющих её людей: потребители, сотрудники организации, правительственные круги, финансовые организации, инвесторы, средства массовой информации, политические и религиозные организации, общественные организации, жители городов.

Чаще всего «аудитория» понимается как множество людей, непосредственно включенных в процесс восприятия информации или вступающих в контакт с источником информации. По мнению А. А. Грицанова, аудитория – это устойчивая совокупность людей, возникающая на основе общности их информационных потребностей, интересов, а также форм, способов и каналов удовлетворения этих потребностей [3]. А. А. Шерель определяет аудиторию средств массовой информации как часть общества (группы населения) или все общество в их отношениях со СМИ [10]. Л. Сухотерин и И. Юдинцев определяют аудиторию как совокупность людей, получающих информацию [7]. В литературе по рекламе аудитория понимается как группа людей, объединенных общими демографическими характеристиками и культурными вкусами. Термин «аудитория» широко используется в социологии массовых коммуникаций, изучающей эффективность воздействия сообщений на различные группы людей (социальные и профессиональные группы, коллективы, электорат), на формирование общественного мнения.

Основными свойствами современной аудитории являются наличие у нее свободы выбора канала информирования, ее амбивалентные потребности и изменчивость. Объем аудитории может изменяться в течение дня, недели, месяца, года или нескольких лет и даже десятилетий. Так, например, в течение суток аудитория в целом дважды нарастает и дважды сокращается. Пиками активности являются утро и вечер, причем самое короткое расстояние между пиками характеризует радиослушателей, самое длинное – телезрителей, у читателей газет колебания выражены в наименьшей степени.